
СОЦИОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ

УДК 303; 316.1; 316.2; 316.4; 316.6 DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

ЕВСЕЕВА Я.В.* СОЦИОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ – НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ. (Обзор)

Аннотация. Данный обзор призван познакомить читателей с новой исследовательской областью – социологией надежды. В качестве введения представлены результаты осуществленного группой нидерландских ученых полномасштабного проекта, освещающего исследования надежды в различных научных дисциплинах. Затем рассматриваются наиболее значительные статьи из посвященного социологии надежды тематического номера ведущего американского социологического журнала *The American Sociologist*.

Ключевые слова: надежда; социология надежды; теория и история социологии; социология эмоций; междисциплинарные исследования; феноменология.

Для цитирования: Евсева Я.В. Социология надежды – новая область исследований. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 117–139. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

Статья поступила: 30.06.2023.

Принята к публикации: 30.07.2023.

* Евсева Ярослава Вячеславовна – редактор Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; yaг_evseeva@mail.ru

EVSEEVA Ya.V.** Sociology of hope: a new research branch. (Literature review)

Abstract. The review aims at introducing readers to a new research branch, the sociology of hope. By way of introduction, we present the results of a major project studying research on hope in various scientific disciplines that was carried out by a group of Dutch scientists. We then consider the most significant articles from the thematic issue on the sociology of hope of the leading American sociological journal *The American Sociologist*.

Keywords: hope; sociology of hope; theory and history of sociology; sociology of emotions; interdisciplinary research; phenomenography.

For citation: Evseeva Ya.V. Sociology of hope : a new research branch. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 117–139. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

Received: 30.06.2023.

Accepted: 30.07.2023.

Памяти Винсента Джеффриса (1936–2023)

В настоящем обзоре рассматривается такая набирающая в социологической области популярность тема, как социология надежды. В 2022 г. увидело свет фундаментальное исследование, продемонстрировавшее интерес к теме надежды в самых разных областях научного знания. Оно было осуществлено группой ученых из Университета им. Эразма Роттердамского (г. Роттердам, Нидерланды) – Эммой Плегинг, Йобом ван Экселом и Мартейном Бюргером. Авторы отмечают постоянный рост интереса к данным вопросам в последние десятилетия, прежде всего в медицине и в социальных науках [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1682]. При этом в различных дисциплинах существуют свои собственные оп-

** Evseeva Yaroslava Vyacheslavovna – Editor of the Centre for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; yar_evseeva@mail.ru

ределения надежды и свои идеи о содержательном наполнении этого понятия, что препятствует выработке представлений, которые были бы валидными в междисциплинарных исследованиях.

Делая краткий экскурс в историю, авторы статьи замечают, что если древние греки в основном считали надежду иррациональной, наивной и приводящей к неверным целям, то в иудейско-христианской традиции надежде придаются положительные черты, ведь надеющийся верит в возможность блага даже в отсутствие непосредственных рациональных доказательств оногo. В эпоху Просвещения сформировалась более нейтральная идея надежды как феномена, который в разных обстоятельствах может вызывать как рациональное, так и иррациональное поведение. Вместе с тем такие мыслители, как Гоббс и Спиноза, связывали надежду с политической властью, поскольку она может поддерживать людей на их пути к социальному прогрессу. Кант рассматривал надежду как связующее звено между разумом и экзистенциальными вопросами, которые не могут быть решены опытным путем. Аналогичным образом Кьеркегор и Марсель полагали, что надежда способна преодолевать ограниченное эмпирическое понимание. В то же время Шопенгауэр и Ницше порицали надежду как ложное представление о реальности. В начале XX в., с ростом популярности психоанализа, надежду начали связывать с фундаментальным доверием другим людям. А философия прагматизма в лице Дьюи и Рорти считала надежду рациональным выбором даже при отсутствии доказательств, поскольку она позволяет людям оставаться на пути прогресса. Политические мыслители вроде Блоха увидели значимый социальный потенциал надежды в том, что она вдохновляет людей воображать различные сценарии будущего, а это в итоге может привести к положительным общественным изменениям [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1684–1685].

Из современных теоретиков авторы в первую очередь выделяют американского социального психолога Марка Снайдера, согласно которому надежда представляет собой позитивное мотивационное состояние, основывающееся на сознании собственной успешной агентности и на столь же успешном целеполагании [Snyder, 2000]. Критикуют концепцию Снайдера прежде всего за ее индивидуалистический характер и акцент на когнитивном измерении в ущерб эмоциям, а также за то, что в его изложении надеж-

да оказывается мало отличима от оптимизма [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1685]. Еще два теоретических подхода, упоминаемых Плегинг и ее коллегами, происходят из областей теоретической медицины и психиатрии, соответственно. В частности, Кей Хёрт рассматривает надежду как жизненную силу, характеризующуюся ожиданием блага, которое является возможным и индивидуально значимым [Herth, 1992]. А Аарон Бек (с коллегами) определяет отсутствие надежды как «систему негативных ожиданий, касающихся нас и нашего будущего» [The measurement of pessimism, 1974, p. 861]. Кроме того, на основе работ Селигмана и Петерсона был разработан опросник «Ценности в действии: инвентаризация достоинств», где надежда выступает в качестве позитивного психологического капитала, помогающего людям преодолевать трудные жизненные обстоятельства [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1686]. Как свидетельствует этот краткий обзор влиятельных современных теорий, авторы статьи имели дело в основном с психологическими, психиатрическими и медицинскими представлениями о надежде. Они же сами задались целью охарактеризовать более широкую перспективу, отведя в своем исследовании более важную роль различным социальным, а также гуманитарным наукам.

Для целей своего анализа авторы выбрали феноменологический подход. В отличие от более известной феноменологической методологии, ориентированной на выявление структуры и значения феномена, феноменология выясняет то, как разные люди понимают тот или иной феномен [Larsson, Holmström, 2007], в данном случае – как представители разных научных дисциплин понимают феномен надежды, какими характеристиками его наделяют и как эти характеристики оказываются сопряжены между собой.

Источники отбирались в четыре этапа. На первом этапе в коллекции Web of Science Core Collection были найдены статьи, содержавшие «надежду» в ключевых словах; таковых оказалось 1936. Из них были выбраны 20 самых цитируемых статей в следующих областях: экономика, социология, политология, психология, исследования здоровья, инвайронментальные исследования, исследования молодежи, философия, теология, иные гуманитарные науки. Из данных статей были исключены те, в которых наде-

жда являлась именем собственным, в том числе географическим названием, а также статьи, в которых надежде уделялось меньше внимания, чем другим темам. Кроме того, были исключены статьи неисследовательского характера, нерезцензируемые и не добавлявшие ничего нового к тем теоретическим подходам, на которых они были основаны, если оригинальные статьи уже были включены в подборку. На этом этапе не осталось ни одной исторической статьи, так что в итоге историческая наука не была включена в спектр изучаемых дисциплин. Из оставшихся статей предпочтение было отдано статьям обзорного и метатеоретического характера, а те, в фокусе которых находились слишком специфические группы населения или регионы, были исключены. В итоговую подборку вошли 66 статей: 12 – из медицинской области, 10 – из психологии, 8 – из социологии, 5 – из политологии, 4 – из экономики, 7 – их инвайронментальных исследований, 3 – из исследований молодежи, 8 – из философии, 3 – из теологии, 3 – из иных гуманитарных наук, а также по одной статье упоминавшихся выше Бека, Хёрт и Снайдера.

Первичный анализ проводился посредством программного обеспечения Atlas.ti. Случайным образом были выбраны десять статей, и в результате работы с ним были определены первые темы, которые были применены для кодирования всех остальных статей. Из 1814 полученных фрагментов текста практически все, 1746, соответствовали одной или нескольким темам (остальные фрагменты не были использованы для анализа). Фрагменты, соответствовавшие одной теме, были сопоставлены с точки зрения дисциплинарной принадлежности статей. Достоверность кодирования проверялась следующим образом: исследователи, не читавшие статей и не занимавшиеся их кодированием, определяли темы для фрагментов текстов, объединенных одной темой. В целом в отношении тем наблюдался консенсус; по результатам обсуждения незначительных расхождений были сделаны необходимые корректировки. Затем выделенные темы были объединены в кластеры. Другие исследователи оценили корректность подобного объединения и предложили новые подкатегории внутри существующих тем. Итогом стали семь кластеров, 39 тем и шесть подтем.

Как выяснили авторы исследования, в литературе встречаются два ведущих подхода: надежда рассматривается либо как ин-

дивидуальный опыт, либо как зависящий от контекста процесс. Во втором случае важно не только как таковое переживание надежды, но и ее причины, цель, последствия. Многие работы содержат в себе сочетание двух данных подходов [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1692].

Основные темы в рамках первого подхода – это желание (desire), оценка вероятности достижения желаемого и реакция на неопределенность его достижения. Желание, обычно считающееся предпосылкой надежды, может быть положительным или отрицательным (стремление покинуть текущую ситуацию). Но, в отличие от простого пожелания (wishing), надежда, в представлении большинства исследователей, представляет собой творческий процесс, в ходе которого люди воображают альтернативные сценарии будущего, формулируют цели и готовятся к возможному негативно-му исходу; при этом надеющиеся предпочитают сосредоточиваться на потенциальном позитивном результате. Хотя большинство работ включают в себя тему оценки вероятности достижения желаемого, их авторы расходятся во мнениях относительно того, насколько реалистичной должна быть перспектива достижения цели, чтобы речь шла не о мечтах или оптимизме как жизненной позиции. В то время как одни полагают, что цель должна быть скорее достижимой, нежели недостижимой [см.: Benzein, Saveman, 1998], другие считают, что надежда как раз и существует вопреки всему [см.: Kadlac, 2015]. Надежда помогает не смиряться с тяжелой жизненной ситуацией вроде серьезного заболевания, или представлять себе иное будущее в репрессивных политических режимах, где агентность индивидов значительно ограничена. Что касается реакции на неопределенность достижения желаемого, многие исследователи уверены, что необходимо стремиться к балансу между уверенностью в возможности реализации своих целей и осознанием возможности неудачи. Также нужно сохранять открытость будущему, ведь понимание будущего и собственных целей могут меняться. Если же индивид не видит иных возможностей, за исключением той, на которые возложил все свои надежды, он может испытать отчаяние.

В качестве составляющих опыта надежды обычно обозначают когнитивный компонент, эмоции и мотивацию. В первом случае надежда представляет собой ментальный акт, заключающийся

в воображении будущей ситуации и подготовке к жизненным изменениям. В отличие от, скажем, страха, надежда практически всегда требует от индивида неких интеллектуальных усилий. Тем не менее эмоциональный компонент надежды также существенен: она ориентирована в будущее, которое мы не вполне контролируем и даже не способны всецело постичь; при этом она может быть сопряжена с исключительно интенсивными переживаниями. Еще одним элементом надежды выступает мотивация, поскольку, по мнению большинства авторов, она предполагает ту или иную степень готовности к действию. В качестве дополнительных составляющих надежды выделяют духовное измерение, морально-этический компонент, аспект социальных взаимодействий и ряд других.

Второй основной подход рассматривает надежду как процесс, зависящий от социального контекста. С точки зрения исследователей, стоящих на данных позициях, надежда носит циклический характер, поскольку различные ее (упоминавшиеся выше) компоненты постоянно влияют друг на друга, что приводит к изменению самой надежды, в частности ее интенсивности. Кроме того, на наши надежды оказывает воздействие наше социальное окружение, а наши надежды, в свою очередь, влияют на окружающих. Другие люди могут быть объектами надежды. Также у людей могут быть общие надежды.

Источники надежды подразделяют на внутренние (например предыдущая история успехов или неудач, а также индивидуальные черты вроде уверенности в себе или, наоборот, неуверенности и т.п.) и внешние. К последним относят следующие: социальное окружение; доверие к другим людям и личная вера (религиозность либо духовность); образование; работа; культура (так, в западных культурах поощряется оптимизм, а в азиатских предпочитают сосредоточиваться на достижимых целях [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1702]); национальная история; социальные институты и текущая политика (справедливая политика и работающие институты усиливают надежду на благоприятное будущее).

Подобно описанным выше индивидуальным компонентам надежды, ученые пишут также о разделяемых разными людьми желаниях, оценках вероятности достижения желаемого и реакциях на неопределенность его достижения. Общие желания могут объединять и членов малых групп вроде семьи, и целые общества.

В частности, как пишут авторы статьи, в метанарративах XX в. большое значение придавалось прогрессу, агентности и самоконтролю, в результате чего среди людей в западных обществах распространение получили надежды на здоровую, благополучную, обеспеченную жизнь [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1703]. Оптимизм и пессимизм в отношении осуществления желаемого тоже может носить массовый характер; тем не менее, маргинальные группы нередко питают меньше надежд, чем доминирующие. Всем группам важно сохранять баланс между верой в осуществление желаний и реалистичным взглядом на такую возможность. Как и в индивидуальных, в «социальных» надеждах также выделяют разные компоненты – верования, ценности, мнения, эмоции, механизмы общественной мобилизации. При этом большинство авторов сходится во мнении, что надежда благотворна и для индивидов, и для групп, поскольку она поддерживает позитивное само- и мировосприятие, позволяет смотреть в будущее, придает смысл существованию, а потеря надежд ведет к разочарованности, безразличию, депрессии, отчаянию.

Рассматривая в завершение ситуацию в отдельных научных областях, Э. Плегинг и ее соавторы отмечают, что если в медицинской сфере и психологии представления о надежде большей частью определяются вышеописанными концепциями Снайдера, Хёрт и Бека, то положение в социальных науках менее однозначно. В частности, в социологии, по их мнению, исследования пока носят фрагментированный характер. В политологии и антропологии основной акцент делают на внешних проявлениях феномена надежды, а именно ее внешних источниках (текущей политике, национальной истории и культуре) и социальных последствиях (общественной мобилизации, солидарности, социальной идентичности).

Прояснить ситуацию в социологической области может *The American Sociologist*, посвятивший первый номер за 2023 г. теме надежды. В настоящий обзор включены три статьи из данного номера ведущего американского социологического журнала. Как отмечает в своей редакционной статье главный редактор журнала Лоуренс Николс (Университет Западной Виргинии, г. Моргантаун, США), на протяжении долгого времени социология больше ассоциировалась с негативными, нежели позитивными общественными

явлениями. На рубеже XIX–XX вв. в ней часто видели изучение «социальной патологии» или «социальной дезорганизации», поскольку исследовала она в основном бедность, различные формы дискриминации и преступность, особенно в городской среде [Nichols, 2023, p. 1]. Считалось, что социология ориентирована прежде всего на социальную критику, а это предполагает акцентирование проблем, а не достоинств, достижений и пр.

Но наряду с этим имели место и менее заметные попытки придать социологическим исследованиям более положительное направление. В качестве наиболее раннего примера можно привести представление Огюста Конта о том, что социальный порядок должен основываться на любви и религии человечества. В середине XX в. тема любви стала центральной в работах Питирима Сорокина – создателя научной системы интегрализма, социологии альтруизма и амитологии. Позже Амитай Этциони и некоторые другие социологи продвигали идеи коммунитаризма, согласно которым потенциал развития общества заключен не в пронизанных бюрократией институтах, а в «братстве» людей, объединениях граждан, «низовых» инициативах и пр. В начале XXI в. Майкл Буравой выступал за «публичную социологию», а Эрик Олин Райт развивал концепцию «реальных утопий» (желательных сценариев развития, которые, при достаточных усилиях со стороны членов общества, вполне могут быть реализованы) [Nichols, 2023, p. 1–2].

Между тем Винсент Джеффрис добился создания в Американской социологической ассоциации Секции по альтруизму, морали и социальной солидарности. Эти идеи нашли отклик в постсоветской России, в частности в работах таких авторов, как Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгов, В.В. Сапов и др. Л. Николс называет имена и других социологов из разных стран мира, которые предпочитают осуществлять свои исследования «в духе любви», ведь, по его словам, лишь находясь в зоне добра, можно увидеть зло [Nichols, 2023, p. 2]. Подобные исследования, полагает американский социолог, будут способствовать развитию своего рода «здоровой» модели социологии (по аналогии с медицинской областью, уходящей от модели, в центре которой болезнь, а не здоровье), верной своим принципам, но при этом ценящей лучшее, что есть в обществе. Социология надежды видится ему важной составляющей данного тренда.

Гвидо Джили (Университет Молизе, г. Кампобассо, Италия) и Эмилиана Мангоне (Университет Салерно, г. Фишано, Италия) задаются вопросом о теоретических основаниях социологии надежды и стремятся наметить программу исследований в этой научной области [Gili, Mangone, 2023]. За основу они берут три наиболее значимых, с их точки зрения, работы второй половины XX в. на тему надежды – «Принцип надежды» (Das Prinzip Hoffnung) Эрнста Блоха [Bloch, 1959], «Революция надежды» (The revolution of hope) Эриха Фромма [Fromm, 1968] и «Vita activa, или О деятельной жизни» (The human condition) Ханны Арендт [Arendt, 1958]. По мнению Джили и Мангоне, эти книги содержали в себе важный для послевоенного времени посыл: они были ориентированы в будущее и призывали людей к активным действиям по его построению [Gili, Mangone, 2023, p. 8].

Согласно марксисту Блоху, человек всегда пребывает в состоянии между бытием и еще-не-бытием (Noch-Nicht-Sein), стремясь к лучшему миру, чем тот, что существует на данный момент. Надежда играет в этом процессе ключевую роль, поскольку с ее помощью человек перерастает самого себя и тянется к тому, чего еще нет, но что при его участии может возникнуть.

Фромм описывает современное ему общество как исключительно механистическое, ориентированное на максимальные производство и потребление. Индивиды испытывают все большую неудовлетворенность подобным обществом и стремятся к более радостной, осмысленной жизни. Этим чаяниям соответствует надежда. По Фромму, бессмысленно надеяться на уже существующее или вообще невозможное. Соответственно, надеющиеся следят за ростками новой жизни и готовы в любой момент помочь прорасти тому, что способно появиться на свет.

Арендт пишет о трех типах человеческой деятельности – труде, обеспечивающем выживание человечества как биологического вида (labor), изготовлении (искусственных объектов, создающих человеческий мир на земле) (work) и действии, характеризующем человечество как множество отдельных личностей (action). Из трех этих типов надежда связана именно с действием, которое и меняет мир.

По словам Джили и Мангоне, эти идеи, проистекающие из иудео-христианской традиции, делают акцент на индивидуальной

ответственности и трансформирующем потенциале активных действий индивидов и групп; в надежде же они видят силу, мотивирующую на положительное действие, а также веру в его успех. Суммируя различные существующие в социологии и шире – в социальных науках – определения, авторы статьи приходят к выводу, что надежда несет в себе напряжение, направленное в будущее и основанное на вере в то, что объект надежды может быть достигнут [Gili, Mangone, 2023, p. 14]. При этом надежды всегда сопряжены с ценностями, ведь надеются люди лишь на осуществление того, что для них представляет ценность (т.е. того, что они полагают благим, правильным и желанным [Kluckhohn, 1951]). И только на это и стоит направлять активные действия.

Авторы соглашаются с тем, что исследования надежды в социологии носят фрагментированный, несистематический характер, за исключением, пожалуй, социологии религии. Тем не менее, там, где речь идет о социальных изменениях, утопиях, доверии, есть место и надежде. И они задаются целью выявить социологические идеи, которые могли бы быть положены в основу социологии надежды [Gili, Mangone, 2023, p. 15–23].

В первую очередь они называют Огюста Конта. Во главе угла его будущего позитивистского общества – религия, базирующаяся на культе человечества. Французский социолог впервые употребил термин «альтруизм», под которым он понимал коллективную ориентацию на общее благо, преодолевающую эгоистическое поведение [Gili, Mangone, 2023, p. 15]. Вера в лучшее будущее характерна и для Карла Маркса. Его надежды связаны с освобождением человеческого труда. Однако его отношение к надежде двояко: негативный потенциал, согласно ему, несет в себе религия, дающая ложные надежды. Для Эмиля Дюркгейма надежда – это социальный факт, в соответствии с которым большинство людей предпочитают жизнь смерти, а значит, они ассоциируют жизнь со счастьем, а смерть – с несчастьем. Следовательно, чтобы продолжать делать выбор в пользу жизни, они должны надеяться, что будут счастливы в будущем. В социологии Макса Вебера феномен надежды сопряжен с такими темами, как социальное действие, власть, этика и религиозные основания капитализма. И целерациональные, и ценностно-рациональные действия нацелены на будущее. Из типов власти (традиционная, рационально-легальная,

харизматическая) с надеждой в наибольшей степени связана харизматическая власть: она сопряжена с верой в выдающиеся способности лидера и обещает его последователям светлое будущее. Дух раннего капитализма заключал в себе готовность ограничить текущее потребление ради будущих возможностей, а также инновационность и открытость новому.

Между классической и современной социологией упоминания заслуживает, по мнению Джили и Мангоне, фигура Карла Мангейма, придавшего новое значение понятию утопии. Если Маркс считал утопии необоснованными упованиями, то Мангейм рассматривал их как перспективу, как пока не раскрытую истину, еще не осуществленный проект, в частности в реализации прав рабочего класса.

Из современных социологов авторы отмечают в первую очередь Питирима Сорокина, который старался наметить пути выхода из положения, в котором человечество оказалось после Второй мировой войны. Согласно русско-американскому социологу, недостаток солидарности и альтруизма в современном мире сопряжен с невниманием к этим явлениям в социальных науках в последние четыре столетия. Тем не менее, он видел потенциал социологии в данной сфере и разработал основы прикладной науки – аминологии, призванной продвигать идеи дружбы, безусловной любви и взаимопомощи. В нем видят предтечу «позитивной социологии» [Nichols, 2005], которая к началу XXI в. превратилась в «гуманистическую социологию» и сделала возможным развитие социологии надежды [Gili, Mangone, 2023, p. 20].

В наследии Питера Бергера Джили и Мангоне интересуют, прежде всего, его работы по социологии религии, например: [Berger, 1969]. Из них следует, что человеческое существование всегда ориентировано в будущее, и важнейшим аспектом этой будущности является надежда, ведь она позволяет преодолевать жизненные тяготы и сохранять уверенность в осмысленности жизни перед лицом жесточайших страданий. Надежда – ключевая составляющая всех теодицей; лишь во времена секуляризации на смену религиозным пришли мирские надежды.

Наиболее развернутую теорию надежды создал Анри Дерош [см.: Desroche, 1973]. Отталкиваясь от идей Грамши, Мангейма, Мосса и Блоха, французский теолог и социолог разработал типо-

логию форм надежды. В частности, он пишет о четырех «пиках» и четырех «провалах» надежды, иными словами, положительных и отрицательных опытах ее переживания. К первым он относит следующие: 1) сон наяву, или «сон проснувшегося человека» (мечты, которые впоследствии могут быть воплощены в жизнь); 2) коллективная идеация (надежда как движущая сила общественной мобилизации и социальных изменений); 3) «напряженное ожидание» (готовность к реализации того или иного желания); 4) генерализованная утопия (воображение новых форм социальных и производственных отношений). Ко вторым относятся: 1) «потерпевшая неудачу» (failed) надежда (например, свержение одного репрессивного режима выливается в установление другого репрессивного режима); 2) «пустая» надежда (в моменты индивидуального или коллективного воодушевления зарождается надежда, которая затем сменяется рутинной практикой и не ведет ни к каким изменениям); 3) «пойманная в ловушку» надежда (эскапизм, альтернативные жизненные стили, микросообщества оппозиции без политических перспектив); 4) надежда «без надежды» (unhoped-for), несбыточная мечта (надежда на нечто принципиально неосуществимое). И все же, поскольку во многих случаях надежда способна вызвать позитивные преобразования, надеяться стоит, полагает Дерош.

На основе сделанного обзора Джили и Мангоне обозначают пять дихотомических пар, демонстрирующих то знание о надежде, которое уже выработано в социологии к данному моменту [Gili, Mangone, 2023, p. 23–29]. Во-первых, говорят о надежде индивидуальной и коллективной; последняя может сплачивать группы, давать их членам ощущение единых целей и образов будущего. Во-вторых, надежда может быть направлена как в будущее, так и в прошлое; в частности, консервативные утопии, о чем писал Мангейм, желают восстановить идеализируемый ими прежний порядок [Mannheim, 1929]. В-третьих, надежду часто противопоставляют страху; так, в зависимости от своего социального положения, разные члены общества могут воспринимать одни и те же явления и события (скажем, революции) с радостью или с опасением.

В-четвертых, широко известна дихотомия реалистичных и иллюзорных (утопических) надежд. Как пишут Джили и Мангоне, превратить эту оппозицию в эффективную эмпирическую концеп-

цию постарался Ральф Дарендорф: согласно ему, утопическая надежда носит более абстрактный, но в то же время и более креативный характер: ее потенциал состоит в воображении альтернативных сценариев будущего, в то время как реалистическая надежда основана на опыте индивидов и групп и ориентирована на то, чего те могут достичь исходя из условий, в которых пребывают [Dahrendorf, 1976]. Наконец, в-пятых, различают надежду, ориентированную на ближайшее к нам и, соответственно, на отдаленное время. Иногда речь идет о «прыжке» в будущее: надежда может быть направлена за горизонт истории, если в обозримом будущем люди не видят для себя каких-либо перспектив [Gili, Mangone, 2023, p. 27]. Вместе с тем Рейнгольд Нибур утверждал, что ничего стоящего нельзя завершить в течение жизни одного человека, так что людям остается жить надеждой [Niebuhr, 1952].

Исследовательская программа, которую авторы статьи задались целью наметить, представляет собой ответы на следующие вопросы [Gili, Mangone, 2023, p. 29–32].

1. Кто несет надежду? Это могут быть, например, харизматические лидеры (Вебер), пролетариат (Маркс), интеллектуалы (Мангейм). Джили и Мангоне, однако, полагают, что здесь можно легко оказаться в области своего рода социологической мифологии, так что правильнее будет исследовать в каждом конкретном случае – кто руководит преобразованиями и инновациями.

2. Кто надеется? По-видимому, склонны надеяться те, кто недоволен своим нынешним положением. И это необязательно самые бедные; это могут быть и достаточно обеспеченные, которые, однако, в текущей ситуации, при данном политическом режиме не могут достичь большего, как например веберовские ранние капиталисты или буржуазия в эпоху Великой французской революции.

3. Каковы основные социально-исторические формы надежды? Некоторые из них Джили и Мангоне рассмотрели в своей статье. Они считают, что более развернутая типология должна включать в себя три аспекта – надежду, доверие и ответственность.

4. Какие социальные, политические и культурные условия способствуют возникновению и развитию надежды? Объективно-структурный аспект связан с изучением социальной стратификации. В анализе же культурно-символического аспекта Джили и

Мангоне опираются на теорию ценностных ориентаций Флоренс Клакхон и Фреда Стродбека; так, одни культуры предпочитают консерватизм и традиции, другие – инновационность и открытость будущему [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961].

5. Как надежда влияет на жизнь индивидов и всего общества? Социологи часто ссылаются на теорему Томаса (если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям) [Thomas, Thomas, 1928] и теорию самоисполняющегося пророчества Мертона (изначально ложное определение ситуации вызывает новое поведение, которое превращает ложные слухи в реальность) [Merton, 1948]. Соответственно, у надеющихся больше шансов воплотить свои желания в жизнь, и в итоге ее изменить.

Уоррен Тенхаутен (Калифорнийский университет, г. Лос-Анджелес, США) исследует надежду с точки зрения социологии эмоций. Он рассматривает положительные и отрицательные эмоции нескольких уровней – от оптимизма до сангвиничности и от пессимизма до отчаяния [TenHouten, 2023]. Вначале автор очерчивает теоретические основания, с которых анализирует эмоции, сопряженные с надеждой. Прежде всего он следует теории эмоций Роберта Плутчика, получившей название колеса базовых эмоций [Plutchik, 1980]. Плутчик полагал, что четырем основным экзистенциальным проблемам соответствуют восемь адаптивных реакций: темпоральности – радость–счастье / репродукция и печаль–горе / реинтеграция; идентичности – принятие / инкорпорация и отвращение / элиминация–отвержение; иерархии – гнев / разрушение и страх / охрана; территориальности – ожидание–предвкушение / познание и удивление / граница–защита. При этом, как пишет Тенхаутен, с точки зрения социологии развитие идентичности приводит к борьбе за равные права, темпоральность выливается в сильные связи, иерархия – в социальное ранжирование, а территориальность – в социально-экономические обмены [TenHouten, 2023, p. 80].

Далее автор пишет о каждой эмоции отдельно, начиная с эмоций положительных [TenHouten, 2023, p. 80–84]. Так, оптимизм – это вторичная эмоция, объединяющая в себе предвкушение (anticipation) и радость–счастье. Предвкушение являет собой важную черту функционирования когнитивно-эмоциональной сферы, поскольку, как утверждает автор, главная цель человеческого моз-

га – это производство будущих перспектив [ibid., p. 81]. В свою очередь, радость представляет собой – исключительно приятную – эмоцию, реализующуюся в рамках ближайшего временного горизонта. В то же время счастье можно описать как состояние благополучия и удовлетворения, включающее в себя позитивную оценку наиболее существенных аспектов жизни или жизни в целом. Соответственно, оптимизм может рассматриваться как предвкушение радости либо как предвкушение счастья. Связано с ними и эмоциональное состояние принятия (acceptance), направленное внутрь, на самого себя, или вовне.

Склонных к надежде и сопряженным с ней положительным эмоциям и эмоциональным состояниям Тенхаутен именуется сангвиниками. Такие индивиды демонстрируют значительную уверенность в собственном будущем; при этом они готовы идти на определенный риск ради достижения цели, в частности принимать в том числе и нежелательное развитие событий. Тем самым сангвиничность – это третичная эмоция, в которой сливаются эмоции принятия и оптимизма (являющегося комбинацией предвкушения и счастья). Следующим элементом данного эмоционального спектра является фатализм, т.е. способность видеть жизненную перспективу не как результат собственных усилий, а как следствие воздействия некоего внешнего агента, обычно непостижимого и неконтролируемого. Иными словами, фатализм – это сочетание предвкушения и принятия, в то время как сангвиничность суть соединение фатализма и счастья. На заре европейской цивилизации, в Древней Греции и других древних цивилизациях, отмечает Тенхаутен, превалировал фаталистический взгляд на счастье, а фаталистическое отношение к жизни, означавшее смирение перед волей богов, считалось главным достоинством человека [TenHouton, 2023, p. 83].

Наконец, еще одна положительная эмоция, сопряженная с надеждой, – это любовь. Надежду часто описывают как состояние, вызываемое и подпитываемое любовью, см. например: [Marcel, 1944]. В модели, выстраиваемой Тенхаутеном, любовь представляет собой радость–счастье и принятие; если же посмотреть с другой стороны, то сангвиничность есть принятие вкупе с любовью. Кроме того, сангвиник – это еще и индивид, который наиболее скло-

нен к любви; он готов влюбляться, при этом осознает потенциальные риски этого предприятия.

Если желаемое вновь и вновь осуществляется, надежда укрепляется и оптимизм растет. Если же индивид, напротив, терпит неудачу, тем более неоднократно, у него может развиваться склонность к пессимизму. Соответственно, далее автор анализирует негативную часть рассматриваемого эмоционального спектра, или, как он ее именуется, «темную сторону надежды» [TenHouton, 2023, p. 85]. Следуя Плутчику, Тенхаутен определяет пессимизм как сочетание предвкушения и грусти. И так же, как пессимизм является противоположностью оптимизма, противоположностью сангвиничности выступает отчаяние, которую составляют первичные эмоции грусти, предвкушения и отвращения, а также вторичные эмоции одиночества, разочарования и потрясения. Автор подробно рассматривает данные эмоции [ibid., 2023, p. 85–91].

Реакцией на негативное воздействие со стороны окружающего мира, на нежелательный сценарий развития отношений с окружающими является удивление, в то время как грусть – это реакция на потерю, в частности на потерю определенного образа себя, своего места в мире, своего будущего, что выливается в сокращение темпоральности до узкого настоящего момента. Грусть, горе и их крайняя степень – клиническая депрессия – характеризуются исследователями в качестве главных составляющих отчаяния, см. например: [Ghaemi, 2013]. Наконец, третья первичная эмоция в этом ряду – это отвращение, в отношении других или самого себя. Отвращение по отношению к самому себе представляет собой особенно тяжелое в эмоциональном плане состояние, при котором индивид считает себя недостойным, в том числе недостойным любви, и постепенно все в большей мере ощущает бессмысленность и бесцельность собственного существования.

Вторичной эмоцией безнадежности выступает разочарование, являющее собой комбинацию удивления и грусти: ожидаемое желательное событие не случилось, и это вызывает у индивида сожаление. На следующем уровне концептуализации отчаяние представляет собой отвращение в сочетании с разочарованием. Для некоторых индивидов полное разочарование в жизни, в социальном мире и всецелое к ним отвращение становятся привычной диспозицией, образом жизни, в котором, правда, уже нет места

надежде. Разочарованный страдает из-за того, что какие-то будущие проекты не будут реализованы, для отчаявшегося же это оказывается в принципе невозможно. Кроме того, повреждение социальной идентичности и разрушение социального мира приводят к одиночеству. Еще одна вторичная эмоция – это потрясение, происходящее из удивления и отвращения, а отчаяние, соответственно, является собой сочетание потрясения и грусти. Потрясение часто вызывается внезапными потерями, вроде смерти супруга в результате несчастного случая, выкидыша на позднем сроке, срочной ампутации конечности, неожиданного разрыва отношений с близким человеком и пр. Если вследствие потрясения и сопровождающей его грусти индивид достигает стадии отчаяния, ему трудно выбраться из этой эмоциональной пропасти, даже когда в его жизни забрезжит луч надежды.

Обсуждая результаты проведенного анализа, Тенхаутен отмечает неоднозначный характер феномена надежды. По его словам, это демонстрируют и представления о надежде в философии и теологии. Так, Кант полагал, что надежда начинается с желания одолеть зло, а вылиться может в не более чем видимость морального совершенства [см.: TenHouton, 2023, p. 91]. По Бодрийяру, объекты нашего желания – это ментальные абстракции, и будучи достигнутыми, они могут стать симулякрами, воплощая в себе все худшее, что изначально стояло за ними [Baudrillard, 1981]. Подобную амбивалентность автор показывает и на примере двух полюсов надежды – сангвиничности и отчаяния. Сангвиник демонстрирует оптимизм по поводу будущих перспектив; он уверен, что ему сопутствует удача на жизненном пути; он предвкушает счастье, в том числе счастье в любви. Однако исключительно высокий уровень сангвиничности может свидетельствовать о патологии, как следует из нейроисследований. Если правое полушарие скорее пессимистично, то левое является воплощением оптимизма, и после травмы или инсульта правого полушария индивид становится «наивно оптимистичным» [Schutz, 2005], верит в успех любого начинания, берется за невозможное, игнорирует опасности и т.п.

В свою очередь, в состоянии отчаяния индивид ощущает, что чужд самому себе и не может выстроить стабильную идентичность; кроме того, он настолько отчужден от семьи, друзей и общества в целом, что поиск какого-либо смысла существования

становится невозможным. Отчаявшийся отрицает себя, социальный мир и саму жизнь, что может привести к мыслям о самоубийстве. Тем не менее, указывает автор статьи, как и другие эмоции, отчаяние адаптивно, и индивид может продолжать существовать в этом состоянии. В то же время философы-экзистенциалисты, в частности Кьеркегор и Ясперс, считали отчаяние не патологией, а фундаментальным свойством человеческой сущности, экзистенциальным страданием, отличающим человека от животного, см. например: [Jaspers, 1948]. Поскольку, по словам Тенхаутена, сангвиничность и отчаяние сопряжены с моралью, они приобретают метафизический и даже религиозный смысл, что обуславливает интерес к ним со стороны философов (в частности, философов-экзистенциалистов), психиатров и теологов [TenHouton, 2023, p. 94].

Подводя итог, Тенхаутен отмечает, что на протяжении столетий надежду изучали в основном философы и теологи. В XX в. теории надежды появились в психиатрии, клинической психологии, а также в медицинских исследованиях. В последние десятилетия интерес к феномену надежды растет и в социологии, и социальной психологии. Речь идет, например, об исследованиях социализации. Так, социализация может считаться успешной, если в ее результате у индивида формируются реалистичные, морально приемлемые жизненные цели и адекватные для данного общества и данной группы социальные отношения [TenHouton, 2023, p. 95]. Помимо теоретических работ, были созданы многочисленные опросники и шкалы для измерения уровня надежды, см. например: [Farran, Herth, Popovich, 1995]. Важность в связи с этим представляют также кросс-культурные изыскания, поскольку если, скажем, в США, Пуэрто-Рико и Японии надежду считают эмоцией, то в Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке она таковой не считается.

Исследования надежды, указывает автор статьи, сейчас проводятся в самых разных областях социологии – от социологии эмоций и социологии религии до социологии медицины, политической социологии, социологии труда и социологии образования. В наше время, пишет он, непросто сохранить сангвиническое отношение к жизни, и ощущение безнадежности и связанное с ним экзистенциальное отчаяние проявляются в личной и коллективной уязвимости, употреблении наркотических веществ, суицидальных

тенденциях и пр. [TenHouton, 2023, p. 96]. При этом сам У. Генхаутен надеется, что социологи уделят достаточно внимания исследованиям на столь важную тему, как надежда.

Настоящий обзор продемонстрировал повышение интереса к феномену надежды в различных научных дисциплинах, в том числе и в социологии. Помимо социологии религии, которая близка к философии и теологии, традиционно изучающим надежду, исследования надежды появляются и в других социологических областях, в частности в социологии эмоций. В ближайшем будущем мы можем ожидать дальнейший рост подобного интереса, тем более что сами социологи считают необходимым развивать данные исследования.

Список литературы

- Arendt H.* The human condition. – Chicago (IL) : The University of Chicago press, 1958. – VI, 332 p.
- Baudrillard J.* Simulacres et simulation. – Paris : Galilée, 1981. – 235 p.
- Benzein E., Saveman B.* Nurses' perception of hope in patients with cancer : a palliative care perspective // Cancer nursing. – 1998. – Vol. 21, N 1. – P. 10–16.
- Berger P.L.* A rumor of angels : modern society and the rediscovery of the supernatural. – Garden City (NY) : Doubleday, 1969. – XI, 129 p.
- Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1959. – XVIII, 817 S.
- Dahrendorf R.* Inequality, hope and progress. – Liverpool : Liverpool university press, 1976. – 17 p. – (Eleanor Rathbone memorial lectures ; N 22).
- Desroche H.* Sociologie de l'espérance. – Paris : Calmann-Lévy, 1973. – 253 p.
- Farran C.J., Herth K.A., Popovich J.M.* Hope and hopelessness : critical clinical constructs. – Thousand Oaks (CA) : SAGE, 1995. – XVI, 250 p.
- Fromm E.* The revolution of hope : toward a humanized technology. – New York : Harper & Row, 1968. – XVIII, 162 p.
- Ghaemi N.* On depression : drugs, diagnosis and despair in the modern world. – Baltimore (MD) : Johns Hopkins university press, 2013. – 215 p.
- Gili G., Mangone E.* Is a sociology of hope possible? An attempt to recompose a theoretical framework and a research programme // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 7–35. – DOI: 10.1007/s12108-022-09539-y
- Herth K.A.* Abbreviated instrument to measure hope : development and psychometric evaluation // Journal of advanced nursing. – 1992. – Vol. 17, N 10. – P. 1251–1259.
- Jaspers K.* Existenzerhellung // Jaspers K. Philosophie. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 1948. – S. 293–672.

- Kadlac A.* The virtue of hope // Ethical theory and moral practice. – 2015. – Vol. 18, N 2. – P. 337–354.
- Kluckhohn C.* Values and value orientations in the theory of action : an exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.* Variations in value orientations. – Evanston (IL) : Row, Peterson & co., 1961. – XIV, 237 p.
- Larsson J., Holmström I.* Phenomenographic or phenomenological analysis : does it matter? Examples from a study on anaesthesiologists' work // International journal of qualitative studies on health and well-being. – 2007. – Vol. 2, N 1. – P. 55–64.
- Mannheim K.* Ideologie und Utopie. – Bonn : F. Cohen, 1929. – 250 S.
- Marcel G.* Homo viator : prolégomènes à une métaphysique de l'espérance. – Paris : Montaigne, 1944. – 369 p.
- Merton R.K.* The self-fulfilling prophecy // The Antioch review. – 1948. – Vol. 8, N 2. – P. 193–210.
- Nichols L.T.* Editor's introduction : hope, theory and positive sociology // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 1–6.
- Nichols L.T.* Integralism and positive psychology : a comparison of Sorokin and Seligman // Catholic social science review. – 2005. – Vol. 10. – P. 21–40.
- Niebuhr R.* The irony of American history. – New York : Charles Scribner's sons, 1952. – 174 p.
- Pleeging E., van Exel J., Burger M.* Characterizing hope : an interdisciplinary overview of the characteristics of hope // Applied research in quality of life. – 2022. – Vol. 17, N 3. – P. 1681–1723.
- Plutchik R.* Emotion : a psychoevolutionary synthesis. – New York : Harper & Row, 1980. – XIX, 440 p.
- Schutz L.E.* Broad-perspective perceptual disorders of the right hemisphere // Neuropsychology review. – 2005. – Vol. 15, N 1. – P. 11–27.
- Snyder C.R.* Handbook of hope : theory, measures and applications. – San Diego (CA) : Academic press, 2000. – XXV, 440 p.
- The measurement of pessimism : the hopelessness scale / Beck A.T., Weissman A., Lester D., Trexler L. // Journal of consulting and clinical psychology. – 1974. – Vol. 42, N 6. – P. 861–865.
- TenHouten W.* The Emotions of hope : from optimism to sanguinity, from pessimism to despair // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54. – P. 76–100. – DOI: 10.1007/s12108-022-09544-1
- Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America. – New York : Knopf, 1928. – XIV, 583 p.

References

- Arendt H.* *The human condition*. – Chicago (IL) : The University of Chicago press, 1958. – VI, 332 p.

- Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. – Paris : Galilée, 1981. – 235 p.
- Beck A.T., Weissman A., Lester D., Trexler L. The measurement of pessimism : the hopelessness scale. *Journal of consulting and clinical psychology*. – 1974. – Vol. 42, N 6. – P. 861–865.
- Benzein E., Saveman B. Nurses' perception of hope in patients with cancer : a palliative care perspective. *Cancer nursing*. – 1998. – Vol. 21, N 1. – P. 10–16.
- Berger P.L. *A rumor of angels : modern society and the rediscovery of the supernatural*. – Garden City (NY) : Doubleday, 1969. – XI, 129 p.
- Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1959. – XVIII, 817 S.
- Dahrendorf R. *Inequality, hope and progress*. – Liverpool : Liverpool university press, 1976. – 17 p. – (Eleanor Rathbone memorial lectures ; N 22).
- Desroche H. *Sociologie de l'espérance*. – Paris : Calmann-Lévy, 1973. – 253 p.
- Farran C.J., Herth K.A., Popovich J.M. *Hope and hopelessness : critical clinical constructs*. – Thousand Oaks (CA) : SAGE, 1995. – XVI, 250 p.
- Fromm E. *The revolution of hope : toward a humanized technology*. – New York : Harper & Row, 1968. – XVIII, 162 p.
- Ghaemi N. *On depression : drugs, diagnosis and despair in the modern world*. – Baltimore (MD) : Johns Hopkins university press, 2013. – 215 p.
- Gili G., Mangone E. Is a sociology of hope possible? An attempt to recompose a theoretical framework and a research programme. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 7–35. – DOI: 10.1007/s12108-022-09539-y
- Herth K.A. Abbreviated instrument to measure hope : development and psychometric evaluation. *Journal of advanced nursing*. – 1992. – Vol. 17, N 10. – P. 1251–1259.
- Jaspers K. *Existenzerhellung*. Idem. *Philosophie*. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 1948. – S. 293–672.
- Kadlac A. The virtue of hope. *Ethical theory and moral practice*. – 2015. – Vol. 18, N 2. – P. 337–354.
- Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action : an exploration in definition and classification. *Toward a general theory of action*. Ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. *Variations in value orientations*. – Evanston (IL) : Row, Peterson & co., 1961. – XIV, 237 p.
- Larsson J., Holmström I. Phenomenographic or phenomenological analysis : does it matter? Examples from a study on anaesthesiologists' work. *International journal of qualitative studies on health and well-being*. – 2007. – Vol. 2, N 1. – P. 55–64.
- Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. – Bonn : F. Cohen, 1929. – 250 S.
- Marcel G. *Homo viator : prolégomènes à une métaphysique de l'espérance*. – Paris : Montaigne, 1944. – 369 p.
- Merton R.K. The self- fulfilling prophecy. *The Antioch review*. – 1948. – Vol. 8, N 2. – P. 193–210.
- Nichols L.T. Editor's introduction : hope, theory and positive sociology. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 1–6.

Nichols L.T. Integralism and positive psychology : a comparison of Sorokin and Seligman. *Catholic social science review*. – 2005. – Vol. 10. – P. 21–40.

Niebuhr R. *The irony of American history*. – New York : Charles Scribner's sons, 1952. – 174 p.

Pleeging E., van Exel J., Burger M. Characterizing hope : an interdisciplinary overview of the characteristics of hope. *Applied research in quality of life*. – 2022. – Vol. 17, N 3. – P. 1681–1723.

Plutchik R. *Emotion : a psychoevolutionary synthesis*. – New York : Harper & Row, 1980. – XIX, 440 p.

Schutz L.E. Broad-perspective perceptual disorders of the right hemisphere. *Neuropsychology review*. – 2005. – Vol. 15, N 1. – P. 11–27.

Snyder C.R. *Handbook of hope : theory, measures and applications*. – San Diego (CA) : Academic press, 2000. – XXV, 440 p.

TenHouten W. The Emotions of hope : from optimism to sanguinity, from pessimism to despair. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54. – P. 76–100. – DOI: 10.1007/s12108-022-09544-1

Thomas W.I., Thomas D.S. *The child in America*. – New York : Knopf, 1928. – XIV, 583 p.